

ИНТЕРВЬЮ С ИЛЬЕЙ КУКУЛИНЫМ
(Беседовала Евгения Сулова)

Статья представляет собой интервью литературоведа, литературного критика, главного редактора сетевого журнала «TextOnly» И.В. Кукулина (в роли интервьюера выступает поэт, переводчик, преподаватель ННГУ им. Н.И. Лобачевского Е.В. Самостиенко (Сулова)). Говоря о месте теории литературы в современном культурном пространстве, И.В. Кукулин отмечает, что дискредитация понятия «национальная литература» и актуализация феномена транслингвальной словесности, размывание границы между художественной литературой и другими литературными практиками, обновление способов общения читателя с литературой, а также изменения в области философской эстетики ведут к неизбежной трансформации «традиционной» теории литературы, которая в будущем может быть реконструирована с учетом подходов философии, теории культуры, социологии. По мнению исследователя, объектами новой дисциплины, формирующейся на месте теории литературы, могут стать как механизмы работы человека со своим сознанием и с сознаниями других посредством текста, так и процессы текстуального внешне ориентированного самовыражения индивида. Учёный обращает внимание также на необходимость пересмотра содержания понятия «естественный язык» как неявно связанного с понятием «здравого смысла» (common sense), которое в современном мире часто становится инструментом манипулирования общественным сознанием. Размышляя о возможностях взаимодействия человека с миром, где происходит онтологизация технических систем, И.В. Кукулин, придерживаясь антропоцентрической позиции, негативно оценивает идею «нейронного реализма» и отказа от символизации. Признавая положение человека по-своему исключительным, ученый, вместе с тем, считает, что постоянно осуществляемая человечеством критическая ревизия своей позиции допускает перспективную возможность творческого взаимодействия человека с другими биологическими видами, но лишь при условии признания за их представителями субъектности. Ученый подчеркивает, что критически воспринятая субъектность – неотъемлемый элемент литературы, которая представляет собой постоянное создание нового самосознания и его стирание.

Ключевые слова: теория литературы, философия литературы, междисциплинарный подход, эпистемология, современный литературный процесс.

Евгения Сулова: Вопрос о месте литературоведения, методологии литературоведения и теории литературы сейчас стоит очень

остро, потому что не до конца ясно, в каком положении находится сама литература относительно других типов дискурсивности, других типов текста с различными расширениями (как в сторону когнитивных наук, так и в сторону новых технологий). Поэтому, как мне кажется, было бы интересно попробовать переопределить это место и, вообще, основные цели и задачи литературной теории сегодня. Все мои вопросы будут призваны наметить очертания, контуры этой области, а также направлены на поиск метода, с помощью которого эти контуры могут быть нанесены на карту гуманитарных наук. Итак, первый вопрос, который мне хотелось бы задать: каково сегодня, на Ваш взгляд, место теории литературы и методологии литературоведения, и можно ли с уверенностью поместить эту дисциплину (не знаю, насколько вообще приемлемо говорить о том, что это именно дисциплина) в контекст других гуманитарных наук, и насколько четкие или расплывчатые очертания она имеет сегодня?

Илья Кукулин: И положение литературы в культуре, и ситуация исследования литературы сегодня очень интенсивно изменяются — это касается не только России, но и стран бывшего «первого мира». Становится все менее понятно, в какой степени мы можем говорить о теории литературы в привычном смысле, в котором этот термин использовался в XX веке. На протяжении XIX—XX веков теория литературы как дисциплина складывалась на пересечении философской эстетики и истории литературы, а она, в свою очередь, мыслилась как наука, «привязанная» к системе национальных государств. Привычно думать, что история литературы делится на историю *своей* литературы и историю *иностраных* литератур, то есть «заграничных» по отношению к конкретному автору и тому сообществу, к которому он/она принадлежит. Сейчас мы переходим к состоянию мира после национальных государств, как об этом много раз писал Ульрих Бек [Бек 2007] и другие социологи, а само понятие «национальной литературы» все больше оказывается поставлено под вопрос. Возникает феномен транслингвальной словесности, в которой авторы пишут не на своих родных языках [Finkelstein 2018]. Связи между языком, на котором написано то или иное произведение, самоотношением, которое предполагается у автора (культурная самоидентификация), и тем самовосприятием, которое предполагается у читателей, — становятся все более сложными.

У широкого читателя подобного рода сдвиг прежде всего ассоциируется с резким ростом интереса к так называемой диаспоральной (уже нельзя сказать «эмигрантской») литературе и к тому, что такая литература все лучше продается. Например, на англоязычном рынке сейчас очень много книг, написанных людьми, для которых английский является родным или почти родным языком, но которые, в то же время, родились и выросли в какой-нибудь другой стране и рассказывают в прозе или в стихах именно об опыте этой прежней жизни и/или перехода из одной культуры в другую – можно вспомнить, например, Халеда Хоссейни, но вообще таких авторов становится все больше.

Есть гораздо более сложные варианты развития литературы в «глобализационном» направлении: например, представленный в недавно вышедшем и недооцененном замечательном русском романе Александры Петровой «Аппендикс», написанном на русском языке в Италии, в котором мир изображается как агломерат мигрантов и разного рода меньшинств, изгоев, фриков, маргиналов, и именно они и составляют весь мир в совокупности. Только что вышла книга Александра Стесина «Нью-Йоркский обход» – рассказы, написанные от имени врача, работающего в «этнических» районах американского мегаполиса, при этом сам главный герой – тоже выходец из России, выросший в Америке; и он, и его персонажи оказываются уравниены в ощущении «детерриториализованности», одновременно совпадения и расхождения с американским культурным пространством.

Предваряя наш разговор, Вы сказали о том, что Вам интересно расширение теории литературы в сторону когнитивных исследований. Признаться, я воспринял Ваши слова как автометаописание. Если я правильно помню, вашу новую книгу стихов «Доступ», которая до меня доходила через Интернет, вы сопроводили манифестарным предисловием, описывающим поэзию как «когнитивную технологию». Такие интерпретации поэзии представляются мне и новаторскими, и многообещающими. Однако изменение представлений о том, что такое литература, можно проследить на гораздо более простых примерах – таких, как присуждение Нобелевских премий в 2010-е годы. В 2015 году Нобелевскую премию дали Светлане Алексиевич за произведения, которые можно при желании отнести и к литературе, и к журналистике. Сама Алексиевич дала себе довольно

сложное определение: «Я собираю материал как журналист, а работаю с ним как литератор» [Алексиевич 2015]. В следующем, 2016-м году Нобелевскую премию дали Бобу Дилану, который, как известно, поет под гитару, часто с ансамблем, и который в письме Нобелевскому комитету сказал:

Я стал думать о великом писателе Уильяме Шекспире. Полагая, он считал себя драматургом. Мысль о том, что он занимается литературой, едва ли приходила ему в голову. Его слова писались для сцены. Их нужно было произносить вслух, а не читать. Когда он сочинял «Гамлета», я уверен, что он думал о многом: «Какие актеры подходят для этих ролей?» «Как это ставить?» «Действие точно должно происходить в Дании?» Его творческое видение и амбиции, безусловно, более всего прочего занимали его, но существовали и будничные проблемы, с которыми надо было разобраться. «Хватает ли у нас денег?» «У нас достаточно хорошие места для спонсоров?» «Где взять череп?» Готов поспорить, что последнее, о чем задумывался Шекспир, был вопрос: «А это *литература?*» [Дилан 2016].

На следующий год после Дилана Нобелевскую премию дали Кадзуо Исигуро, можно сказать, традиционному романисту (традиционному, поскольку он пишет романы), но и он — японец, выросший в Англии (его семья переехала, когда ему было пять лет), так что до некоторой степени его творчество может быть описано в рамках той детерриториализующей тенденции, о которой я говорил раньше. Правда, только отчасти, потому что Исигуро, конечно, очень английский писатель.

Меняется сегодня и способ общения с литературой: огромное количество людей привыкли читать стихи не в сборниках, а в социальных сетях. Появление сборника потом уже является способом легитимации имени автора и возможностью обозреть путь, который он прошел за определенное время. Романы часто слушаются в виде аудиокниг — за рулем или в фитнес-зале.

Мне кажется, что традиционная теория литературы пока не может угнаться за всеми сдвигами, о которых мы сейчас говорим. Особо тяжелую ситуацию мы видим в России. В Советском Союзе теория литературы была, на мой взгляд, несколько схоластической дис-

циплиной, если не считать теоретические работы, выполненные в рамках Московско-тартуской школы. Но они часто были написаны на заведомо затемненном языке для того, чтобы пройти через цензуру, и это обстоятельство способствовало эзотеризации теоретического знания. Исключения были и помимо Москвы и Тарту – я бы тут вспомнил, например, работы Бориса Ошеровича Кормана – но они не делали погоды.

Если перейти от истории литературы к философской эстетике, то и она сейчас очень сильно меняется. После работ Филиппа Лаку-Лабарта и некоторых других теоретиков [Лаку-Лабарт 2009] мы понимаем, что возвышенное имеет сегодня гораздо большее значение для культуры, чем прежде, в том числе отрицательное возвышенное, изображение разного рода ужасов и катастроф. С другой стороны, во-первых, в нашей культуре намного больше места, чем раньше, занимает смешное, разного рода градации иронии, которые даже толком не описаны. И это не схоластический вопрос, потому что мы различаем эти градации, когда читаем блоги или когда слушаем *stand-up comedians*, но мы не имеем слов для того, чтобы их описать.

ЕС: Или мемы.

ИК: Или мемы. А с другой стороны, мне кажется, что само слово «прекрасное» ассоциативным образом было связано с идеей релаксации, возможностью восприятия искусства в контексте досуга, с представлением об искусстве как отгороженном от общественных бурь пространстве, в котором царит примиренное состояние, которое мы привыкли называть гармонией. Весь этот концептуальный аппарат в современной ситуации, когда мы постоянно получаем новости про терроризм, про беженцев, про конфликты в Сирии и где бы то ни было еще, когда мы находимся на связи по мессенджеру с нашими близкими и должны постоянно думать, как живет наш родственник, который вышел из дома на другом конце света, например, принял ли он таблетку, перед тем как выйти, – в такой ситуации, мне кажется, вся эта история про красоту и гармонию работать перестает. Возможность найти для человека смысл в этом напряженном взаимодействии с миром уже не связана с представлением о расслаблении и наслаждении прекрасным. Она устроена иным, прежде не распознанным образом. Французский социолог Лоран Тевено

ввел понятие «режимов вовлеченности» [Тевено 2018]. Может быть, искусство трансформирует существующие режимы вовлеченности и создает новые.

Сейчас очень большой вклад в представление о том, как работает литература, вносят философия, теория культуры, социология, и социология одновременно делает литературу основой для своего мышления — может делать, имеет право. Например, тот же Лоран Тевено, анализируя напряжение между различными режимами вовлеченности, анализирует произведения Бориса Пастернака, Михаила Булгакова и Андрея Платонова [Тевено 2006].

Можно предположить, что в ближайшем будущем всю теорию литературы придется конструировать заново и собирать из других элементов, не только когнитивных наук, которые Вы — и некоторые Ваши коллеги — в последние годы предлагают включать в сферу интересов исследователя литературы, но и из подходов других дисциплин, которые я назвал. Тех дисциплин, которые говорят не только о литературе, но и о самосознании человека, о связях человека с другими людьми, об устройстве общества.

Но сегодня и представление об обществе требует существенной реконструкции -- после развития гендерных и феминистских исследований, в силу того что ведутся интенсивные антропологические исследования диаспор, развиваются квир-исследования. Возникает представление, новое и общее для целого ряда гуманитарных наук: личность часто может иметь много идентичностей, у него или у нее возникают разные идентификации в разные периоды времени, но при этом литературой он или она продолжают интересоваться очень сильно и литература, как я вижу, играет очень большую роль в жизни.

ЕС: То есть раньше теория литературы помещалась между историей литературы и философией (и эстетикой как ее частью), а сейчас это уже не так?

ИК: Уже не совсем так. При том что теория литературы или, точнее, дисциплина, которая формируется на ее месте, сегодня необходима не меньше, чем прежде.

Развитие событий пошло по никем, кажется, не предусмотренному сценарию. Гуманитарии-Кассандры в 1970-е—80-е годы пред-

сказывали, что человечество вскоре откажется от словесности и перейдет на визуальный тип восприятия. Но ситуация изменилась несколько иначе, чем они говорили. Роль зрительных образов в жизни человека возросла чрезвычайно, думать о кино или о сериалах для нынешней молодежи — абсолютно естественное занятие, даже для тех, кто никакими гуманитарными науками не занимается. Но при этом читать меньше не стали. Читают блоги, читают романы, читают стихи. Обсуждают до бесконечности Ханью Янагихару, как к ней ни относиться. Как это сочетаются этот новый вкус к визуальности и новый виток интереса к чтению — имеет смысл исследовать.

ЕС: Кроме того, у всех технологий текстовая подложка, если говорить о коде. То есть фактически любой цифровой визуальный контент имеет код в качестве своей основы.

ИК: Но код не является литературой.

ЕС: Не является литературой, но является текстом по своей структуре, по своей природе.

ИК: Я читал о попытках установить прямые отношения между эстетикой кода и эстетикой литературного текста. Мне кажется, такие эксперименты эвристически полезны, но я в них не вижу возможности выстроить новую теорию. Они полезны, скорее, как трансгрессия, которая провоцирует мысль. Я продолжаю думать, что между кодом и художественным текстом слишком много опосредующих звеньев, и стоит искать, скорее, общие основания современной эпистемы, в которой придумываются коды и пишутся стихотворения, пьесы, романы.

ЕС: А что могло бы быть объектом вот этой новой науки: текст, язык, речь или что-то еще?

ИК: В ответе на этот вопрос я не могу быть ни теоретически, ни политически «невидимым»: у меня есть своя позиция, и политическая, и методологическая. Поэтому я могу отвечать только за себя. Для меня главный вопрос — это как человек работает с собственным сознанием, а иногда и с сознаниями других с помощью произведе-

ния, вообще с помощью текстуальности, как реструктурирует свои отношения с миром. Еще один вопрос, тесно примыкающий к предыдущему: как текст соединяется с перформансом и становится реализацией человека, обращенной к другим людям? Поэтому от меня код далек, потому что код – это инструментальная знаковая система. Важнее неинструментальные системы или, точнее, те, которые могут стать неинструментальными: блог, стихотворение, пьеса, роман. Я пока думаю вслух, у меня нет готового ответа на Ваш вопрос. Думаю, что потребуются новые термины, описывающие реальность, пока никак не концептуализированную.

ЕС: Здесь есть один вопрос, который меня тоже сильно беспокоит. Это вопрос о том, к какому количеству опыта и к каким сферам опыта человек сегодня может получать доступ с помощью естественного языка и текста. Дело в том, что есть сферы, куда он не может таким образом дотянуться. Например, я бы говорила о том, что существуют своего рода три локальные онтологии: brain-онтология, то есть онтология чистой активности, которая не символизируется, но которая переводится на язык компьютерной онтологии, и в то же время остается онтология тела и естественного языка, с помощью которой благодаря символизации мы схватываем какую-то часть опыта. Получается, что с помощью аппарата, соединяющего две первые онтологии, мы можем предотвратить эпилептический припадок (есть такие инструменты), но мы не можем это почувствовать, и у нас нет слов для того, чтобы это описать. И получается, что, возможно, язык мог бы развиваться в сторону того, чтобы схватывать опыт, который раньше казался невыразимым, опыт *qualia*, потому что этот опыт схватывается и описывается, вычисляется с помощью технических систем. И мне очень интересно соотношение между естественным опытом и привычными способами символизации, с одной стороны, и теми техническими инструментами и какими-то другими, может быть, искусственными онтологиями, которые развиваются в последнее время.

ИК: За предлагаемой Вами расстановкой акцентов для меня проступает психоаналитическая теория Жака Лакана. Он говорил про опыт Реального, который человеку недоступен. Вы делаете этот опыт Реального частью другого бессознательного, не психоаналити-

ческого – такого, которое воспринимает квалиа, но не может о них говорить. Вы сами и в интервью, и в Вашем совместном комментарии к вашей выставке с Егором Рогалевым объясняли ту роль, которую в современной поэзии играют квалиа, то есть некоторые особенности переживания объекта, которые не всегда могут быть названы и семантизированы. Интерес к этому «неописуемому» уровню восприятия я вижу не только в Ваших стихотворениях, но и у целого ряда других авторов: у Никиты Сафонова, в таких произведениях Галины Рымбу, как «Жизнь в пространстве», или у тех авторов, с которыми Вы общаетесь в Нижнем Новгороде, – Анны Родионовой, Карины Лукьяновой... Но все же позвольте мне ответить Вам из другой парадигматики, чем та, из которой Вы спрашиваете. Не кажется ли Вам, что само понятие естественного языка, противопоставленного компьютерному коду, является слишком генерализующим и нуждается в деконструкции? Когда Людвиг Витгенштейн говорит в «Философских исследованиях» про язык повседневности, он предполагает, насколько я понимаю, что этот язык – это своего рода лингвистический «мейнстрим», город, где живут люди, а к нему пристроены (знаменитая архитектурная метафора) пригороды, соборы или замки, то есть другие способы употребления языка, чем тот, который принято считать «естественным». Мне кажется, что понятие «естественного языка» неявно связано с понятием здравого смысла – *common sense* (я произнес по-английски, потому что в русском варианте нет этого *common*, то есть *общего*). В современном мире этот *common sense* становится все более обременительным наследием: возникновение концепта *post-truth*, постоянные вторжения пропаганды (которая эксплуатирует как раз механизмы «здравого смысла»), популистские движения, которые говорят якобы от имени всего народа и стигматизируют, то есть делают выглядящими очень плохо и неприятно, различные меньшинства [Мюллер 2018] – такой современный мир требует от любого ответственного гражданина, не только от академического ученого, но и от человека, напрямую наукой не занимающегося, все более критического отношения к термину здравого смысла. Именно через идею «мейнстрима» и большинства современным человеком пытаются манипулировать политические элиты и разнообразные радикалы, сегодня в ряде случаев легко переходящие в состав этих самых элит – как в Венгрии или Италии, желающие могут вспомнить и другие страны. Такие

радикалы, они же представители нового мейнстрима, говорят: «Нас измучили политкорректностью, давайте вернемся к этому здравому смыслу, который противоречит политкорректности». А на самом деле все обстоит очень понятно: подчиненное положение женщин, представление о том, что одни расы «более развиты», чем другие, — всё это легко выдать за забытый всеми «здравый смысл». Конечно, такой «здравый смысл», понятно, только культурная конструкция. Здесь для современных теоретиков — любых, не только литературных — важны работы Клиффорда Гирца, особенно его работа «Здравый смысл как культурная система» [Geertz 1975]. Поэтому, когда Вы говорите про «естественный язык», мне кажется, что это язык у всех нас становится *все менее естественным*, все более требующим проблематизации используемых слов. Постоянная языковая рефлексия в соцсетях, споры про феминитивы (нужно ли говорить «авторка», «композиторка»), вторжение психологической терминологии в повседневную речь у современной молодежи (когда говорят, например, про обесценивание) — все это внимание к языку и требование от него большей аналитичности мне представляется (хотя, может быть, это покажется кому-то наивным, но мне не кажется) новым способом борьбы, во-первых, против уходящего в прошлое «здорового смысла», а во-вторых, против отчуждающей силы языка, который постоянно именно своей стертостью употреблений не позволяет пережить уникальность каждой ситуации общения, каждого произведения искусства и поэтому мешает людям понять друг друга.

Весь этот комплекс условий познания и говорения следует держать в уме, когда мы говорим о языковом доступе к реальному (не только лакановскому, но к реальному в более широком смысле) — к тому, о чем невозможно сказать в силу ограниченности языка.

ЕС: Получается, что есть технические системы, которые с помощью количественных методов получают доступ к каким-то аспектам нашего несимволизируемого опыта, например, к какой-то чистой внутренней активности, при этом с помощью языка, допустим, с помощью когнитивных метафор, описаний, мы не можем получить к этому доступ.

ИК: Здесь очень важно не фетишизировать технические системы. Не в обиду Вам будет сказано, мне ваши формулировки немного

напоминают манифесты Дзиги Вертова, который говорил, что киноглаз имеет более прямой доступ к реальности, чем человеческий. Отчасти так и есть, но все-таки здесь важно, как именно человеческий глаз и мозг перерабатывают реальность, наделяют ее значениями. Важно понимать, как мы можем соотносить себя не столько с опытом компьютеров, сколько с миром, в котором большую часть занимают структуры, с предыдущей точки зрения являвшиеся посредниками, медиа (во множественном числе). Сегодня эти медиа приобретают самостоятельное бытие, они – немного об этом думал в поздних интервью Дмитрий Александрович Пригов – приобретают частичную онтологическую самостоятельность, но для меня важно не то, что они могут поднять бунт машин, и даже не то, что у них есть собственный опыт, а скорее, вопрос в том, как мы можем соотносить себя с тем миром, с которым нас эти медиа связывают, точнее, не только связывают, но и организуют его, структурируют.

Применительно к вопросам культуры, а не экологии, я довольно большой антропоцентрист. Но это критический антропоцентризм, который учитывает деконструкцию того самоуверенного человеческого превосходства, которая начинается с Фуко и авторов его поколения. Работы Александра Гэллоуэя, которые Вы сейчас переводите (я Вам очень за Гэллоуэя благодарен, потому что будет что дать студентам, которые медленно читают по-английски), или Льва Мановича, или других авторов такого рода важны. При всем моем несогласии, например, с социальными взглядами Мановича.

ЕС: Есть достаточно много радикальных позиций. Так, например, в первой переведенной книжке Катрин Малабу «Что нам делать с нашим мозгом?» она говорит фактически о нейронном реализме и о том, что можно будет отказаться от символизации. Я как раз примерно вокруг этого и кручусь.

ИК: Я категорически отказываюсь с этим соглашаться.

ЕС: Я тоже отказываюсь.

ИК: Мне кажется, гораздо интереснее понять, как может в нынешних условиях символизация, о которой мы с Вами говорим, символизация в широком смысле этого слова, то есть указание на не-

формализуемые и эмоционально значимые сферы нашего опыта, как она может впустить в себя трагедию, драму, конфликт или, наоборот, то, что привычно называют катарсисом, то есть выход из трагедии таким образом, чтобы это не было впадением в привычные, клишированные нарративы. Или, если начнется впадение в привычные, клишированные нарративы, то пусть оно будет отрефлексированным. Чтобы человек, например, существовал в мелодраме и чтобы мы вместе с этим человеком понимали границы этой мелодраматичности. Тут, может быть, на новом уровне пригодится поэтика Бертольта Брехта.

ЕС: И последний вопрос про Гильберта как раз, который я придумала много лет назад, но еще никогда не получала на него удовлетворительных ответов. На Втором Международном математическом конгрессе в Париже в 1900 году Гильберт предложил свой список из двадцати трех задач. Возможен ли такой список сегодня, нужен ли он? Если да, то, может быть, есть какие-то задачи, естественно, с учетом гуманитарной специфики, которые могли быть сформулированы и обозначены для молодых филологов, например, потому что вопрос о том, что делать филологам в этой меняющейся ситуации, меня тоже волнует. Он волнует меня и потому, что я преподаю на филологическом факультете, и потому, что я имею филологическое образование и всю жизнь решаю вопросы, которые я соотношу с тем, что называется филологической проблематикой, пусть и междисциплинарной.

ИК: Положение современного филолога гораздо сложнее, чем положение Гильберта. Гильберт, произнося свою речь на Втором математическом конгрессе, исходил из предположения, что математика будет существовать вечно и что те задачи, которые он наметил, всегда будут сохранять познавательное значение. Мы можем с известной долей вероятности предположить, что литература будет существовать столько, сколько будет существовать человечество, — по крайней мере, я в это верю. Но «верю» — гораздо менее аргументированная позиция, чем у Гильберта. Поэтому вопрос к молодым филологам, который я мог бы задать, был бы иным, гораздо более простым, чем задачи Гильберта. Почему нас что-то удивляет в литературе как современных людей? Как наша жизнь сейчас связана с тем,

что нас удивляет в литературе? Еще одна проблема. Представление о литературе прошлого постоянно изменяется, попадая в контекст новых феноменов культуры: сегодня, имея опыт переписки в мессенджерах или компьютерных игр, мы, вероятно, иначе читаем Державина или Достоевского. Вопрос: как современная культура, то, что происходит сейчас, влияет на наши режимы чтения?

ЕС: И самый последний вопрос. Действительно ли Вам кажется уникальным место человека или Вы допускаете момент, что в связи с меняющейся экологической ситуацией возможно появление межвидового взаимодействия, межвидовой коммуникации, выстраивания каких-то других эко-культурных структур?

ИК: Для меня Ваши утверждения не связаны квантором «или». Честно говоря, я считаю положение человека исключительным, однако я полагаю, что развитие человечества вполне может привести к тому, что люди будут сотрудничать с дельфинами, или с другими животными, или с инопланетными формами жизни. В современной культуре очень важен инструментарий, который позволяет человеку осуществлять критическую ревизию своей позиции. Сначала стало понятно, что весь человеческий вид един в том отношении, что никто не заслуживает стигматизации, хотя есть люди с ограниченными возможностями, которым требуется дополнительная помощь, есть преступники, которые требуют изоляции от общества, но у них тоже есть свои права, которые должны быть оговорены и известны обществу, нельзя к тем, кто сидит в тюрьме или колонии, относиться по принципу «Наконец-то отвязались / От него, от упыря», говоря языком пьесы Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Сейчас понимаем, что никто не заслуживает стигматизации. Мне кажутся очень продуктивными разговоры о правах животных, вроде тех, которые завел в книге “*Zoopolis*” Уилл Кимлика в соавторстве со Сью Дональдсон. Но мне кажется, что говорить о правах животных мы можем в другом смысле, чем о правах человека, потому что их субъектность иная. У меня вызывают сочувствие и интерес движения за права животных, против, например, ношения меховой одежды или за вегетарианство, потому что их участники рефлексиируют уровень насилия в обществе, который до сих пор считался допустимым по умолчанию. Такая рефлексия насилия и пони-

мание не-самодостаточности человека, вероятно, окажут влияние на литературу. Но здесь лучше было бы удержаться от скороспелых прогнозов. Когда, допустим, происходит валоризация, то есть включение в культуру произведений, созданных, например, слонами под руководством Виталия Комара и Александра Меламида, то это, конечно, произведения Комара и Меламида: что имела в виду слониха, когда рисовала хоботом по холсту, мы не знаем.

Для того, чтобы создавать такие союзы, о которых Вы говорите, мы должны предполагать за теми, кто будет союзничать с человеком, качество субъектности. Некоторые дельфинологи полагают, что у дельфинов есть субъектность и *agensy* – мне хотелось бы с ними согласиться. Когда – и если! – человечество откроет для себя другие виды *agensy*, то, конечно, представление об *agensy* в литературе изменится, а на самом деле для меня литература – это то, что работает не только с *qualia*, но и с представлением о том, какое *agensy* с этим *qualia* встречается. Изгнание «я» из литературы и его критика, от французского «нового романа» до современной русской поэзии, чрезвычайно полезны для борьбы с сомнением и нарциссизмом, но мы знаем, что критически воспринятая субъектность в литературе все равно есть: литература – это постоянное созидание нового самосознания и его стирание. Это два процесса, которые все время идут рука об руку. Как это представление трансформируется при появлении новой идеи, нового *agensy*, я пока представить себе не могу.

ЕС: Предлагаю на этой ноте и закончить. Большое спасибо!

Источники

Алексиевич 2015 – Алексиевич С. *Пресс-конференция в Берлине после присуждения Нобелевской премии 10 октября 2015 года*. Расшифровка на Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/27299210.html> (дата обращения 1.11.2019).

Дилан 2016 – Дилан Б. *Нобелевская речь*. Публикация английского оригинала на сайте Нобелевского комитета: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2016/dylan/25424-bob-dylan-banquet-speech-2016/> (дата обращения 1.11.2019). Неподписанный перевод на сайте «Медуза»: <https://meduza.io/feature/2016/12/11/u-menya-ne-bylo-vremeni-sprosit-sebya-a-moi-pesni-eto-literatura> (дата обращения 1.11.2019).

Литература

Бек 2007 – Бек У. *Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия*. М., 2007.

Лаку-Лабарт 2009 – Лаку-Лабарт Ф. *Проблематика возвышенного* // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/problematika-vozvyshennogo.html> (дата обращения 1.11.2019).

Мюллер 2018 – Мюллер Я.-В. *Что такое популизм?* М., 2018.

Тевено 2006 – Тевено Л. *Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности* // Неприкосновенный запас. 2006. № 77. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguraczii-v-gumanitarnyh-naukah-i-figuraczii-soczialnoj-obshhnosti.html> (дата обращения 1.11.2019).

Тевено 2018 – Тевено Л. *Жизнь как испытание: Между постколониальной миграцией, дискриминацией при приеме на работу, трудным материнством и спасительным усыновлением. О том, как «закаляется идентичность»* // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/3/zhizn-kak-ispytanie.html> (дата обращения 1.11.2019).

Finkelstein 2018 – Finkelstein M. *Russisch-translinguale Gegenwartsliteratur als Weltliteratur* // Slavische Literaturen als Weltliteratur. Hybride Konstellationen. Diana Hitzke, Miriam Finkelstein (Hgg.). Innsbruck, 2018. Pp. 189–214.

Geertz 1975 – Geertz C. *Common Sense as a Cultural System* // The Antioch Review. Vol. 33, No. 1 (Spring, 1975), pp. 5-26.

INTERVIEW WITH ILYA KUKULIN

(Interviewer - Eugene Suslova)

The article is an interview with a literary critic, editor-in-chief of the online magazine "TextOnly" I.V. Kukulin (the interviewer is a poet, translator, lecturer of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod E.V. Samomenko (Suslova)). Speaking about the place of the theory of literature in the modern cultural space, I.V. Kukulin notes that the discrediting the concept of "national literature" and the actualization of the phenomenon of trans-linguistic literature, the blurring of the border between fiction and other literary practices, the renewal of the ways of communication between the reader and literature, as well as changes in the field of philosophical aesthetics lead to the inevitable transformation of the "traditional" theory of literature,

which can be reconstructed in the future. According to the researcher, the objects of the new discipline, which is being formed in the place of the theory of literature, can become both the mechanisms of working with human consciousness and with the consciousness of others through the text, and the processes of textual externally oriented expression of an individual. Ilya Kuklin also draws attention to the need to revise the content of the concept of "natural language" as it is implicitly related to the concept of "common sense", which in the modern world often becomes a tool for manipulating public consciousness. Reflecting on the possibilities of human interaction with the world where technical systems are ontologized, I.V. Kukulkin, adhering to the anthropocentric position, negatively assesses the idea of "neuronal realism" and rejection of symbolization. At the same time, recognizing the position of humanity in its own exclusive way, the scientist believes that the critical revision of its position, constantly carried out by mankind, allows the perspective possibility of creative interaction of people with other biological species, but only on condition of recognition of subjectivity for their representatives. The scholar emphasizes that critically perceived subjectivity is an integral element of literature, which is the constant creation of new consciousness and its erasure.

Key words: theory of literature, philosophy of literature, interdisciplinary approach, epistemology, modern literary process.

References

Бек 2007 - Bek U. *Vlast' i eye opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya* [Power and its opponents in the era of globalism. New World Political Economy]. Moscow, 2007. (In Russian).

Лаку-Лабарт 2009 - Laku-Labart F. Problematika vozvyshennogo [The subject of the sublime]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2009, no. 95. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/problematika-vozvyshennogo.html> (accessed 1.11.2019). (In Russian).

Мюллер 2018 - Myuller YA.-V. *CHto takoye populizm?* [What is populism?] Moscow, 2018. (In Russian).

Тевено 2006 - Teveno L. Kreativnyye konfiguratsii v gumanitarnykh naukakh i figuratsii sotsial'noy obshchnosti [Creative configurations in the humanities and social community figurations]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2006, no. 77. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguraczii-v-gumanitarnyh-naukah-i-figuraczii-soczialnoj-obshhnosti.html> (accessed 1.11.2019). (In Russian).

Тевено 2018 - Teveno L. *ZHizn' kak ispytaniye: Mezhdue postkolonial'noy migratsiyey, diskriminatsiyey pri priyeme na rabotu, trudnym maternostvom i spasitel'nyy usynovleniyem. O tom, kak «zakalyayetsya identichnost'»* [Life as a test: Between post-colonial migration, job discrimination, difficult motherhood and salutary adoption. About how "identity is tempered"]. *Neprikosnovennyy zapas*, 2018, no. 3. Available at:

<https://magazines.gorky.media/nz/2018/3/zhizn-kak-ispytanie.html> (accessed 1.11.2019). (In Russian).

Finkelstein 2018 - Finkelstein M. Russisch-translinguale Gegenwartsliteratur als Weltliteratur [Russian-translingual contemporary literature as world literature]. *Slavische Literaturen als Weltliteratur. Hybride Konstellationen*. Diana Hitzke, Miriam Finkelstein (Hgg.). Innsbruck: IUP, 2018. S. 189–214. (In German).

Geertz 1975 - Geertz C. Common Sense as a Cultural System. *The Antioch Review*, vol. 33, no. 1 (Spring, 1975), pp. 5-26. (In English).

Поступила в редакцию 23.10.2019